

БОЛДИНО

Арсений Дьяконов

В истории жизни и творчества Пушкина Болдино занимает место не менее значительное, чем Михайловское. Однако Болдино мало известно широкой массе.

Село Большое Болдино расположено в бывш. Лукояновском уезде бывш. Нижегородской губернии и отстоит в настоящее время в 41 км от ближайшей железнодорожной станции, линии Горький—Пенза, Ужовки.

Пушкин обычно ездил в Болдино через г. Лукоянов, от которого числилось 50 верст.

Болдино — родовое имение Пушкиных, пожалованное одному из предков поэта Федору Федоровичу Пушкину еще в 1619 году. При жизни поэта Болдино находилось во владении отца поэта Сергея Львовича и дяди Василия Львовича. Смерть последнего в Москве 20 августа 1830 года послужила поводом к первой поездке Пушкина в Болдино, по его словам, „дабы вступить во владение оным“. 31 августа поэт выехал из Москвы, а 9 сентября уже писал из Болдина первые письма. В письме к невесте он сообщает, что, помимо раздела имения, его может удержать „дней двадцать лишних“ cholera morbus. Но уехать через 20 дней поэту не удалось, а пришлось пробыть здесь до конца ноября — всю осень, получившую наименование „болдинской осени“.

„Из годовых времен я рад лишь ей одной“, — писал Пушкин про осень. Она была ему „мила“, он „любил“ ее и с „каждой осенью расцветал вновь“.

Первое время Пушкин был в восторге от деревни и погоды, написал 9 сентября Плетневу: „что за прелесть здешняя деревня! вообрази степь да степь; соседей ни души; ездя верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает“.

Но затем Пушкин впал в „сквернейшее настроение“, задержанный карантином на неопределенное время. К тому же в конце сентября погода изменилась. „Начались дожди“, „погода ужасная“, „и дождь, и снег, и по колени грязь“, — пишет Пушкин в письме от 30 сентября и последующих.

Однако ни холера, ни плохая погода не помешали творчеству поэта. Он создал здесь, на „несносном острове“, ряд замечательнейших своих произведений как в стихах, так и в прозе. Осень, по его признанию, оказалась „детородной“, и он здесь писал „как давно уже не писал“. В эту первую „болдинскую осень“ были закончены 8-я и 9-я главы

„Евгения Онегина“, созданы и завершены „Скупой рыцарь“ „Моцарт и Сальери“, „Пир во время чумы“ и „Каменный гость“; кроме того, было написано пять повестей Белкина, „Домик в Коломне“, около 30 мелких стихотворений, а также по живым болдинским впечатлениям „История села Горюхина“. С этими осенними плодами своего творчества Пушкин, наконец, выбрался из Болдина в последние числа ноября, а 5 декабря уже был в Москве у своей невесты Наталии Николаевны.

Через три года Пушкину было суждено вторично посетить Болдино. Стимулом к этому явилось желание уединиться на некоторое время в деревенскую глушь и „закончить книгу“, давно начатую, — роман из времени Пугачева. С целью пополнить на местах собранные им для этой цели материалы Пушкин испросил разрешение побывать в Казани и Оренбурге.

В эту поездку Пушкин выехал из Петербурга в начале второй половины августа 1833 года, по дороге завернул в село Павловское к Вульфам и в Ярополец к теще Наталии Ивановне Гончаровой, побывал в Москве, Нижнем, Казани, Симбирске, заехал в Языково, где не нашел, однако, поэта Н. М. Языкова дома, и 18 сентября прибыл в Оренбург. Затем проехал к яицким казакам в Уральск, откуда отправился в обратный путь 23 сентября. Посетив снова Языково и заслав теперь всех трех братьев, Пушкин 1 октября приехал в Болдино.

Если в первый приезд поэт вынужденно пробыл здесь около трех месяцев, то на этот раз он оставался добровольно до середины ноября, возвращаясь в Петербург 20 ноября.

Хотя „головная боль, хозяйственные хлопоты и барская, помещичья лень“ одолевали поэта в деревне, тем не менее, он создал в это время „Медного всадника“. Кроме того, в эту осень были написаны „Анджело“, „Сказка о рыбаке и рыбке“, „Сказка о мертвой царевне“ и несколько стихотворений. Однако задуманного романа он не закончил, а приводил в порядок и обрабатывал записки о Пугачеве, легшие в основу „Истории Пугачева“.

Наконец, в 1834 году Пушкин вновь посетил Болдино. Эта третья поездка была предпринята „по делам отца“. Как видно из записки дневника поэта от 23 ноября, Пушкин выбыл из Петербурга в августе за „5 дней до открытия Александровской колонны (открыта 30 августа 1834 г.), чтобы не присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами“. Но Пушкин не сразу поехал в Болдино, а злежал на Пологняные заводы, где у деда гостила его жена. В Болдино поэт приехал 13 сентября.

„В деревне встретил меня первый снег и теперь двор перед моим окошком белешенек“, — писал он жене 15 сентября. Эта третья „болдинская осень“, таким образом, встретила поэта ранним снегом. Пробыл здесь Пушкин до последних чисел сентября или первых чисел октября, так как 18 октября он уже был в Петербурге. В этот приезд поэт хотя и занимался хозяйственными делами, но написал здесь „Сказку о золотом петушке“.

Это было последнее посещение Пушкиным Болдина. В июне 1835 г. поэт намеревался быть снова в Болдине, но поездка не состоялась, как и предположение удалиться на несколько лет в деревню и заняться литературным трудом для поправления своих расстроенных денежных дел.

Таким образом, если в Михайловском Пушкин пробыл „отшельником

два года незаметных", то в общей сложности за все три „болдинские осени“ он прожил в Болдине только пять месяцев. Однако творческая производительность его гения была не меньшая.

Что касается деловой стороны, то результатом поездок Пушкина явился отказ от наследования части Болдина покойного Василия Львовича, как обремененной его долгами, и пролажа ее с торгов в 1835 году некоему Зыбину. Усадьба последнего примкнула непосредственно к усадьбе Пушкиных. Болдино осталось за отцом поэта, а последнему была выделена часть Кистенева.

После смерти поэта и его отца Болдино перешло к Льву Сергеевичу Пушкину, а затем к его сыну Анатолию Львовичу, умершему в начале XX столетия и похороненному около Болдинской церкви. Сын его Лев Анатольевич продал Болдино казне в 1908 году и покинул навсегда это родовое имение Пушкиных, так тесно связанное с именем великого поэта.

Однако интерес к Болдину не соответствовал его значению в творчестве Пушкина и проявился более ярко только при советской власти.

В Болдине мало кто бывал, кроме гостей А. Л. и Л. А. Пушкиных.

Из некоторых литературных материалов, относящихся к столетию со дня рождения Пушкина, т. е. к 1899 году, можно усмотреть, однако, что еще в семидесятых годах прошлого века Болдиным интересовались местные культурные деятели. Так, 27 февраля 1876 года посетил Болдино директор народных училищ Нижегородской губернии П. Овсянников, который писал: „я расспрашивал, бывши в Болдине, о доме, в котором жил Пушкин, и о саде, в котором он гулял. Сад уцелел до сих пор, сад большой, но соседний, Зыбинский, еще больше и лучше“.

„Дом же был подарен потом местному священнику, давно уже умершему, был переделан им на свой лад, так что из прежнего расположения комнат, ни самих прежних стен ничего более не осталось“.

Об этом же еще ранее писал также А. С. Гасцицкий в Нижегородском сборнике 1871 года, добавив, что „с год тому назад помер в Болдине известный слуга Пушкиных Торгашев, всюду его сопровождавший. Из свидетелей пребывания Пушкина в Болдино осталась налицо разве только так называемая „Кистеневская роща“ в 3-х верстах от Болдина“.

Некто М-й, посетивший Болдино в 1895 году, писал, что „барская усадьба помещается около церкви. На месте прежнего деревянного господского дома, в котором жил поэт, построен новый. Сад с вековыми липами тянется за усадьбой и огорожен плетнем“. Этому неизвестному автору, между прочим, удалось повидать и живую свидетельницу пребывания поэта в Болдине Авдотью Кузьминичну Смолину.

В том же году посетил Болдино Н. Забелин, писавший: „памятников пребывания Пушкина никаких не осталось, исключая густолиственного сада, окружавшего усадьбу племянника поэта, бывшего тогда Лукояновским предводителем дворянства“. По его словам, „Живым свидетелем жизни поэта в Болдине является 88-летняя старуха Вилянова, теперь проживающая в Арзамасе и известная под именем Февроньи Ивановны Болдинской. Это бывшая крепостная болдинской дворни, исполнявшая тогда обязанности горничной“.

Виляннову посетил вместе с А. П. Мельниковым, сыном писателя,

Ник. Ашешов, описавший это посещение в „Курьере“ за 1899 год: „Домик волшебной сказки“.

Посетил также Болдино художник А. Васнецов, давший несколько эскизов в журналах.

Позднее был в Болдине А. И. Звездин, издавший брошюру: „О болдинском имении Пушкина“ (Нижний-Новгород, 1912 г.).

В наше время посетил Болдино Н. А. Савин, издавший книжку: „Болдино и А. С. Пушкин“, изд. 1929 г.

От Академии Наук, собирая материалы по фольклору, был в Болдине В. Чернышев, интересовавшийся также и памятными пушкинскими местами.

В последние годы заинтересовались Болдиным горьковские писатели и художники, начав собирать материалы о Пушкине и делать зарисовки.

На мою долю выпала возможность побывать в Болдине со специальной миссией обследовать по поручению Пушкинского общества памятные места, связанные с пребыванием Пушкина в Болдине. Это было в июле 1934 года, через сто лет после последнего пребывания Пушкина в родовом Болдине.

Приехав 22 июля в г. Горький и ознакомившись в Литературном музее им. Горького с некоторыми довольно скудными материалами, я ночью выехал в Ужовку. Миновав живописный Арзамас и тихий Лукоянов, в 11 час. утра поезд медленно подошел к Ужовке. Это небольшая станция с селением, базаром и хлебным сыпным пунктом. Доставка зерна только-что началась. В это утро колхозники-ударники из с. Адашева, лежащего за Болдиным, привезли первую партию хлеба. Сговорившись с одной обратной подводой и закусив в чистой сельской столовой, я улегся в телегу и в 1 час 30 мин. двинулся по направлению Болдина. Около 6 час. вечера стали подниматься в гору и скоро въехали в с. Новую Слободу. Новая Слобода—бывшее имение кн. Кочубея с парком и винокуренным заводом, куда Кочубей выселял своих украинских крестьян. До Болдина оставалась еще треть пути. Миновав д. Прилевку и с. Малое Болдино, стали спускаться, а затем подниматься к Большому Болдину.

Телега въехала на широкую улицу Болдина, проехала дамбу у пруда, поднялась на Кооперативную улицу к базарному месту и, обогнув парк, остановилась на площади перед бывшим волостным правлением, где помещается ныне РИК. Напротив за забором виднелся в парке бывший барский дом, налево стояла церковь и направо—спереди небольшого пруда—пожарный сарай с каланчей.

Уже было 8 час. 30 мин., когда семичасовой путь кончился. Мне отвели комнату на Красной ул. у колхозника С. И. Кузьмишкина.

Рано утром на следующий день я вышел на улицу. Избы тянулись по одну сторону улицы, а за редкими деревьями другой стороны шла параллельно дорога в Кистенево. Пройдя немного вправо, я увидел с левой стороны дороги голое место с могильными холмами и в беспорядке торчащими крестами. Это было болдинское кладбище.

Точную картину его Пушкин дал в „Станционном смотрителе“ в последних строках этой повести Белкина: „мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не

осенними ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища*. Каким оно было при поэте, таким осталось и до настоящего времени. Невольно вспомнилось неотделанное стихотворение поэта, навеянное видом этого кладбища и окружающей его местности:

Стою печально на кладбище,
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
..... изредка стучит.
Одна равнина справа, слева,
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты,
Немые камни и могилы,
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

Я направился в обратную сторону, к церковной площади. Мне захотелось забраться на колокольню и обозреть с высоты всю местность. Длиннобородый седой староста крестьянин Петр Степанович Вострышев сопровождал меня и давал объяснения.

Достигнув звонницы, я увидел всю панораму Болдина и окрестностей. По скатам и за ними широко раскинулось современное Болдино. Во времена Пушкина убогие избушки крепостных жались к помещицкой усадьбе, теперь же образовались новые „порядки“ со свежими избами, и село растянулось во все стороны от нее.

На восток, за Пушкинской улицей, виднелись одна из любимых поэтом рощ — Лучинник и дорога на хутор Львовку, принадлежавший сыну поэта Александру Александровичу; на запад стояла барская усадьба с обширным парком, а за ним через мост над высохшей речкой Азанкой шла дорога на Лукоянов; в северном направлении за каланчей тянулась мимо кладбища дорога на Кистенево, и влево от нее вырисовывалась другая роща „Осинник“; в южном же — за селом уходили вдаль светлые нивы.

Картина была несколько иная, чем при Пушкине, писавшем:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлые? Где темные леса?
Где речка?¹

Как и при поэте, не было темных лесов и речки, но зато выросли крепкие избы и растянулись „нивы светлые“ крестьян свободного труда.

Уходя с колокольни, я обратил внимание на колокола. Один из них был современником поэта, нося дату 1828 года. Внутренность церкви не представляла ничего особенного. Документов, относящихся к эпохе Пушкина, в ней не оказалось. Однако, невольно мое внимание привлек деревянный большой крест с длинной надписью черными буквами о времени освящения храма: „в лето 1799 г. октаврия 11 дня“, т. е. в год рождения поэта.

¹ Стихотворение „Румяный критик мой“.

Выходя из церкви, я вспомнил, что, быть может, с ее паперти Пушкин произносил свою проповедь о холере, о которой он писал Плетневу 29 сентября 1830 года: „я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да и не стоишь ты этого подарка“.

Каменная, клетками, церковная ограда была сломана на фундамент для школы. Вокруг только высятся несколько деревьев. Под одним тенистым деревом за алтарем находится полуразрушенный холм над могилой племянника поэта Анатолия Львовича Пушкина (надписи нигде не было).

За деревянным забором фасадом к площади стоит бывший барский дом, а теперь школа; перед ним растет высокая тонкостволая пихта, по преданию, посаженная самим поэтом. Дом как снаружи, так и внутри весьма скромный, обычный дом помещиков средней руки: деревянный, желтый, с мезонином и небольшой террасой с фронтона. Никакой обстановки от Пушкиных в нем не осталось, так как все было вывезено последним владельцем Львом Анатольевичем Пушкиным. Около дома были службы и парники, но от них ничего не осталось.

За домом находятся два пруда, другие два высохли. Оба сильно заросли и изобилуют, подобно пруду села Горюхина, карасями. Над прудами стоят старые вязы и могучий дуб, вероятно, современники поэта.

Липовая аллея прорезывает парк в северной части. Параллельно ей идет аллея акаций, а в середине парка тянется другая с низкосцепившимися ветвями. Вдоль южной части проходит аллея с высокими белостволыми березами. Внутри сада около небольшого холмика стояла, по преданию, скамья Пушкина, от которой шла якобы вишневая аллея.

Задняя часть парка занята яблонями, которых свыше 1300, и несколькими грушевыми деревьями.

По удостоверению некоторых старожилов, парка при поэте не существовало, он более позднего происхождения. На его месте были левая да старые вязы и ивы над прудами. Достоверно известно только, что в „Экономических примечаниях“ 1798 года о Болдине значилось: „сада нет“. И, действительно, поэт нигде не упоминает о „густолистивном саде“. Наоборот, поэт говорит¹ только о двух деревьях:

На дворе у низкого забора
 Два бедных деревца стоят в отраду взора,
 Два только деревца и то из них одно
 Дождливой осенью совсем обнажено.
 А листья на другом размокли и, желтея,
 Чтоб лужу засорить, ждут первого Борея,
 И только.

В другом месте поэт, вспоминая, очевидно, картину Болдина, пишет:²

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косягор,
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор,
 На небе серенькие тучи,
 Перед гумном соломы кучи,
 Да пруд под сенью ив густых,
 Раздолье уток молодых.

¹ Стихотворение „Румяный критик мой“.

² „Странствие Онегина“.

Закончив обход парка, занимающего около 11 га, я направился к достопримечательности Болдина — небольшому домику, занятому амбулаторией. Домик этот стоит на углу парка, боком к площади, а фасадом на улицу, выходящую к Лукояновскому тракту.

С фронта домика — небольшое крыльцо, и по обеим сторонам его — по три окна; внутри — три комнаты. По свидетельству местных крестьян и особенно 96-летнего старца Ивана Прокофьевича Сюсина, домик этот при поэте стоял на месте нынешней каланчи, напротив церкви, и в нем помещалась вотчинная контора, где лежали, как он помнит, розги для наказания крепостных.

Именно в этом домике останавливался поэт и жил в левой его комнате. Это подтвердил и бывший письмоводитель Льва Анатольевича Пушкина крестьянин Иван Тимофеевич Рябов. Однако впоследствии домик был перенесен на хутор Лобозенки, а затем, по настоянию Льва Анатольевича, вновь перенесен как память о поэте обратно в Болдино, но на нынешнее место, так как прежнее было уже застроено.

Таким образом, показания этих старожиллов противоречат прежним посетителям Болдина, которые указывали, что поэт жил в каком-то господском доме, подаренном местному священнику и ныне не существующем. Сам поэт нигде в своих письмах не упоминает о месте своего пребывания. Почти с достоверностью, однако, можно предполагать, что современного господского дома при поэте не существовало, как не было и парка в настоящем его виде. Поэт жил или в каком-то старом барском доме, или действительно в этом домике, сохраненном последними владельцами как память о поэте.

Последующие дни моего пребывания в Болдине были посвящены посещению любимых Пушкиным рощ и беседе со старожиллами.

Роща „Лучинник“ находится в 2—3 км от Болдина по дороге в Львовку. Она расположена на косогоре, напротив Крикова кургана. В настоящее время это молодой лесок с деревьями разных пород. Роща была вырублена, но затем опять выросла. Вероятно, при поэте она имела такой же вид, так как в окрестностях Болдина не было „темных лесов“.

В роще находится обделанный срубом родник с прозрачной водой. Около этого источника, по рассказу старожилла Ивана Ивановича Куликова, слышанному им от покойного Михея Сивохина, сопровождавшего поэта в его прогулках, Пушкин ложился „брюхом вверх“, смотрел в небо и спрашивал: „Скажи-ка, Михей, о чем шумит лес?“

В такой же жаркий день я совершил прогулку в другую любимую поэтом рощу „Осинник“ (Казариновские кусты тож). Пройдя кладбище, я двинулся по Кистеневской дороге. Миновав небольшую деревеньку, я по левую руку увидел лесок в таком же возрасте, как и „Лучинник“. Роща была тоже вырублена лет восемнадцать тому назад и вновь выросла.

Здесь так же было живописно, как и в „Лучиннике“, но не было источника. Я углубился в рощу, прошел ее насквозь и с опушки взглянул на бесконечные поля, частью уже убранные. В этой роще, вероятно, неоднократно ездил верхом поэт.

Еще далее и ближе к Кистеневу была расположена Кистеневская роща, которую, возможно, Пушкин имел в виду в „Дубровском“.

„После похорон отца, — пишет Пушкин, — Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистеневскую рошу“. Но эта роща обращена теперь в пашню. В самом же Кистеневе не сохранилось ничего, связанного с именем поэта.

Закончив этим осмотр памятных пушкинских мест в Болдине, я 29 июля выехал обратно. Проезжая через площадь я еще раз взглянул на бывший господский дом, домик Пушкина и церковь, наиболее достоверную современницу поэта.

Последний владелец Болдина Лев Анатольевич, прощаясь в 1908 году со своим слугой Степаном Ивановичем Вострышевым, подарил ему свой портрет, виденный мною. На нем он написал: „Да, Болдина для нас не существует“. Он был прав. Для помещиков Пушкиных Болдино перестало существовать, но память о Болдине, так тесно связанном с именем великого поэта, должна жить в сердцах всех, кому дороги творения Пушкина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 7

1

ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“